

РАЗДЕЛ III. КОМПАРАТИВИСТИКА СЕГОДНЯ: ЗАДАЧИ – ИДЕИ – ШКОЛЫ

ББК 83.3
УДК 8.82.02/.09

Е. В. Никольский¹
Карпатский университет имени Августина Волошина
eugenius-09@ukr.net

Д. Вальчак²
Варшавский университет
dorota.walczak1990@gmail.com

ТИП «ЛИШНЕГО ЧЕЛОВЕКА» В РУССКОЙ И ПОЛЬСКОЙ ЛИТЕРАТУРАХ («ZBĘDNY CZŁOWIEK» VS. «WONATER WERTEROWSKI»)

«Лишний человек» – один из более распространенных типов персонажей в русской литературе XIX, XX и XXI веков. Это одухотворенная личность, умная, образованная и критически мыслящая, но, тем не менее, не вписывающаяся в мейнстрим той политической эпохи, в которой ей приходится жить и действовать, осознающая свою отчужденность от других людей. Лишний человек отвергает общество, а общество, в свою очередь, отвергает его. Он – хороший показатель всех общественных недугов исторической эпохи, с которой связан. К типичным представителям лишних людей в русской литературе исследователи обычно относят героев «Евгения Онегина» А. С. Пушкина, «Героя нашего времени» М. Ю. Лермонтова, «Обломова» И. А. Гончарова и др.

В польской литературе, которая по историческим причинам всегда была тесно связана с русской, присутствуют многие персонажи, очень похожие на тип «лишнего человека», хотя сам термин «лишний человек» (польск. «zbędny człowiek») употребляется в польском

¹Никольский Евгений Владимирович, доктор филологических наук (Dr. hab), профессор, доктор богословия, магистр религиоведения, эксперт Научно-издательского совета по изданию Полного собрания творения святителя Феофана, Затворника Вышенского, Карпатский университет имени Августина Волошина, г. Ужгород, Украина.

²Вальчак Дорота, аспирант исторического факультета, магистр исторических наук, Варшавский университет, г. Варшава, Республика Польша.

литературоведении исключительно по отношению к героям русской словесности. По отношению к персонажам польской литературы иногда встречается название «вертеровский герой» (польск. «bohater werterowski»), чаще же подобные герои вообще остаются неназванными.

В настоящей статье предпринимается новаторская попытка сопоставительного анализа образа «лишнего человека» в русской и польской литературах. Авторами анализируются все главные произведения русской и польской литературы, в которых присутствует данный мотив, и выявляются аналогии между способом изображения в них «лишнего человека».

Ключевые слова: лишний человек, вертеровский герой, русская литература, польская литература, отчужденность, мейнстрим

«Лишний человек» – один из знаковых типов персонажей, характерных для русской литературы XIX, XX, а даже и XXI века.

Согласно словарной статье из «Литературной энциклопедии терминов и понятий» под редакцией А. Н. Николюкина, «лишний человек» – это социально-психологический тип, запечатленный в русской литературе первой половины XIX века [4]. Для него характерно отчуждение от официальной России и от родной социальной среды (обычно дворянской), интеллектуальное и нравственное превосходство над своим окружением, и в то же время душевная усталость, глубокий скептицизм (то есть особенное сомнение в надёжности истины), а также разлад между словом и делом. Наименование «лишний человек» вошло во всеобщее употребление после публикации в 1850 г. «Дневника лишнего человека» Ивана Тургенева. Однако черты этого литературного типа можно заметить и раньше: у Грибоедова их имеет герой комедии «Горе от ума» Чацкий, затем пушкинский Евгений Онегин, лермонтовский Печорин, Бельтов у А. И. Герцена [4].

По типологии, предложенной Е. В. Никольским, «лишний человек» – человек хорошо образованный, но будучи не в состоянии найти свое место в жизни, осознающий и чувствующий собственную отчужденность от остальных членов общества и потому зачастую бессемейный, страдающий от неразделённой любви. «Лишний человек» предъявляет завышенные требования к ближним и к жизни, а в случае, если его надежды не сбываются, он способен на необдуманные поступки, вплоть до отказа от жизни, самоубийства, такого героя может ждать и нелепая смерть [5].

В лексиконе «Идеи в России» под редакцией Анджея дэ Лазари понятие «лишний человек» определяется как термин, принятый в художественной, публицистической и научной литературе и применяемый к поколению интеллигенции 40-ых годов. «Лишние люди» – это герои с огромным интеллектуальным потенциалом и нравственными достоинствами, однако герои эти не способны действовать ни индивидуально, ни в обществе из-за отсутствия веры в успех своих действий. Известные благодаря многочисленным литературным мемуарам и эпистолярным произведениям лишние люди составляют групповой портрет поколения, его жизненных путей и литературно-философских увлечений. Лишние люди представляют последнее поколение дворянства, которое ещё пользовалось монопольным правом на интеллектуальное превосходство в России [12].

В детстве «лишний человек» соприкоснулся с наполеоновской историей, а в молодости – с идеями декабристов, однако сам никогда не предпринимал участие в политической деятельности. Домашнее образование получил в помещичьей семье, а потом продолжал его, как правило, в университете, где увлекался философией Гегеля, находя в ней оправдание своей пассивности и подчиненности объективным историческим законам. Очередное поражение «лишнего человека» – это любовное испытание, которое подтверждает его неспособность взять на себя ответственность. За ним следует бесконечное путешествие за границей или бегство. Смерть «лишнего человека» является последним доказательством его «ненужной» жизни.

По словам Ю. В. Манна, в западноевропейской литературе также есть подобного рода герой, представленный как человек, разочарованный в социальном прогрессе [4]. Однако в России противоречия общественной ситуации, контраст между цивилизацией и рабством выдвинули «лишнего человека» на более видное место, повышая драматизм и интенсивность его переживаний, но в то же время они усилили его слабые стороны, такие как непоследовательность и неспособность к активному вмешательству в жизнь.

«Лишний человек» – одухотворенная личность, не вписывающаяся в мейнстрим эпохи, в которой живет, но и активно не борющаяся с устоявшимся общественным мнением. Можно сказать, что общество отвергает героя, а герой отвергает общество. Это и отличает лишнего человека от другого, довольно похожего на него типа персонажа – «героя времени», всё-таки имеющего какой-то идеал, пусть и не всегда осознанный, который он защищает и во имя которого он живет и действует. Для героя времени характерна активная позиция, а для лишнего человека – по преимуществу пассивная. Данные два типа

являются близкородственными, и зачастую герои русской классики относятся исследователями то к одному из них, то к другому.

У «лишних людей» жизненного идеала нет, они зачастую сами не знают, во что верят и ради чего живут. К «лишним людям» исследователи обычно причисляют пушкинского Евгения Онегина, лермонтовского Григория Печорина, тургеневского Рудина, гончаровского Обломова, Николая Ставрогина Достоевского и многих других. В рамках данной статьи мы также их рассматриваем в этой категории, хотя не исключаем и иных трактовок и уточнений. «Лишний человек» – порождение эпохи, в которой живет, показатель социальных и общественных недугов.

В общем, более широком контекст тип «лишнего человека» возник как переосмысление романтического героя в реалистическом произведении, в котором автор уже не восторгается гордым одиночкой, вступающим в бой с силами природы или с обществом, а исследует причины его скептицизма, отчужденности от общества, сильные и слабые стороны его характера, противоречия между поведением и его внутренним миром. Существенным изменением в трактовке «лишнего человека» становится отказ от просветительских, морализаторских установок во имя максимально полного и беспристрастного анализа, отражения душевных движений героя, что связано с утверждением ценности отдельного человека и интересом к истории человеческой души.

Необходимо отметить, что тип «лишнего человека» обусловлен не только на внутренними качествами личности, он определяется и внешними обстоятельствами общественно-исторической жизни России, такими как стремление к демократизации, декабристское восстание и его плачевный итог.

В шестидесятые годы XIX века начался спор о том, кем является «лишний человек», что он внёс в русскую культуру и почему именно он вызывает столько разногласий? Этот спор был связан с появлением типа «нового человека», на которого возлагали большие надежды и которому должно было принадлежать будущее. Но такие люди составляли меньшинство. Их сравнивали с лишними людьми и подчёркивали, что они сильнее и нужнее в жизни. Спор начал Николай Чернышевский в критической статье «Русский человек па rendez-vous», которая была откликом на повесть И. С. Тургенева «Ася». Поведение главного героя произведения, который не мог определиться в своём выборе, слишком много размышлял и не умел действовать, что привело к потере любимой женщины. По словам Чернышевского, такая ситуация знакома ему из жизни и напоминает встречу с людьми сороковых годов. В дальнейшем с переоценкой данного понятия выступил и

Ф. М. Достоевский, осудив индивидуализм такого героя и оторванность от народной почвы.

Критический взгляд на это явление продемонстрировал и Николай Добролюбов в статье 1859 года «Литературные мелочи прошлого года», в которой он упрекал авторов в изображении того, что давно известно, и в недостатке желания поменять мир в лучшую сторону, без оглядки на ненормальные, болезненные социальные явления. В этом же году Добролюбов написал статью «Что такое обломовщина?», где поставил главного героя романа Обломов в один ряд с лишними людьми, утверждая, что он является результатом развития такого рода личности. Критик указал общую черту таких героев – неспособность к действию.

Именно она являлась причиной всего плохого в герое и приносила несчастье окружающим. Добролюбов отмечал, что такого рода люди составляют угрозу для общества. С защитой «лишних людей» выступил Александр Герцен, подчёркивая, что они являются не паразитами, а жертвами общества и действительности, в которой им пришлось жить. По мнению Герцена, пассивность «лишних людей» была и болезнью души, и результатом столкновения русского человека с европейской культурой: так как Россия отставала по развитию от европейских стран, у её жителей не было возможности состояться как личностям. Тем не менее, именно в «лишнем человеке» Герцен видел потенциал, которого не хватало России. Люди сороковых годов страдали, так как хотели многое предложить своей стране, стране, которой не хватало возможностей, чтобы использовать их потенциал. Можно сказать, что «лишний человек» представлял собой динамический тип, который российская действительность отвергла. Единственное, в чём Герцен согласился с другими критиками, было утверждение, что время «лишнего человека» закончилось.

Но торопиться с таким выводом было рано. Как показала практика литературы и жизни не только России и Польши, но и Китая [9], а также Турции [6], лишний человек не исчез, герои подобного типа обнаруживаются и в XX веке, и в третьем тысячелетии. И, начиная с XIX в., образ «лишнего человека» надолго стал предметом исследований не только русских, но и иностранных литературоведов. Этот герой, одинокий, отвергнутый обществом или сам отвергший общество, не был только плодом литературной фантазии. Он стал своеобразным болезненным явлением жизни, порождением кризиса общественной системы.

В польском литературоведении термин «лишний человек» (польск. «zbędny człowiek») используется только и исключительно по отношению к героям русской словесности, как классической,

так и современной (вплоть до прозы Э. Лимонова [11]), но, тем не менее, в польской литературе, по историческим обстоятельствам всегда довольно тесно связанной с русской, существуют очень похожие типы литературных персонажей, хотя польские исследователи и называют их по-другому, неоднократно обращаясь к понятиям концепции «антигероя» [3], [13]. В польской литературе эпохи романтизма данный тип героя определяется как «вертеровский» (польск. «bohater werteryczny») или «bohater werterowski»), по имени героя одноименной книги И. В. Гете. Конечно же, «Вертер» Гете был популярен и в России, но по какой-то причине термин «вертеровский герой» в русском литературоведении не прижился, но, тем не менее, именно вертеровский тип (в российском варианте скрещенный с байроническим [1]; [2]), стоит у истоков архетипа «лишнего человека».

Главной задачей настоящей статьи является выявление аналогий и различий в трактовке «лишнего человека» в русской и польской литературах. С этой целью пересмотрим все главные произведения русской и польской прозы XIX, XX, XXI столетий, проводя сравнительный анализ представленных в них типов «лишних людей».

С исторической точки зрения можно сказать, что неким общим первоисточником для обоих типов персонажей – «вертеровского героя» и «лишнего человека» – является нашумевший в свое время сентиментальный роман в письмах «Страдания юного Вертера» (1774), принадлежавший перу И. В. Гете и относившийся к раннему этапу становления романтизма, так называемому периоду «бури и натиска». Главный персонаж романа – молодой человек по имени Вертер – чувствует свою отчужденность от остальных людей, живет в своем замкнутом мире поэзии и собственных грез, слишком многого ожидает от жизни. Когда его желание (а скорее, каприз, так как он на самом деле не был способен к любви) не сбылось – его избранница Лотта предпочла ему практичного и уравновешенного Альберта, Вертер решил свести счеты с жизнью. «Страдания юного Вертера» носят в некоторой степени автобиографический характер, поэт рассказал в нём о своей собственной юношеской любви, кроме того, главный герой наделен некоторыми чертами друга Гете, который пришел к суициду из-за несчастной любви. Персонаж Гете, конечно же, наследовал и многие черты шекспировского Гамлета – нерешительность, неспособность к действию, мечтательность, экзальтированность, завышенные требования к жизни, презрение к общественному мнению. В конце XVIII и в начале XIX в. роман Гете пользовался огромной популярностью, а его распространение вызвало в Европе волну подражающих самоубийств, впоследствии получившую название «эффекта Вертера».

Роман Гете был очень хорошо известен, детально изучен как в России, так и в Польше, которая, в основе своей, после 1815 г. и Венского конгресса становится уже практически частью Российской империи. Самые ранние примеры данного типажа (вертеровского героя) относятся еще к 20-м годам.

Итак, образцовым «лишним человеком» многими считается Александр Чацкий, герой пьесы А. А. Грибоедова «Горе от ума» (1822–1824). Чацкий – человек незаурядного ума, но страдает максимализмом, презирает мнение толпы, из-за чего вскоре после возвращения из-за границы был воспринят как сумасшедший.

Его отличает активная гражданская позиция, проблемы общества воспринимает как свои собственные, это напоминает нравственные установки декабристов. Чацкий охотно высказывает своё мнение по разным вопросам и часто вступает в конфликты со многими дворянами на тему крепостного права, государственной службы, науки и культуры, языка и традиций. Его отличает жажда справедливости, желание мыслить самостоятельно, служить Отечеству, при этом с пользой для прогресса. Он выделяется среди других действующих лиц комедии своей речью, образованностью и способом мышления. Московских дворян раздражают эти качества, и они считают его опасным для общества. Герой одинок, так как его никто не понимает и не хочет с ним говорить. Чацкого скорее даже избегают, его монологи на приёме у Фамусова неуместны, никто не желает прислушиваться к его мнению. Он разочаровывается и чувствует себя ненужным и оскорблённым. Одарённость, желание думать самостоятельно и стремление к прогрессу, но в то же время глубокое одиночество, разочарование являются чертами, которые затем будут проявляться и в образе лишнего человека.

Причиной кризиса и разочарования жизнью персонажа послужила, опять же, несчастливая любовь – Чацкий не может понять, как и почему его возлюбленная, Софья Фамусова, предпочла ему другого, потому решает навсегда покинуть общество. Вертеровские (и гамлетовские) черты здесь налицо: презрение к общественной морали, завышенные требования к жизни, разочарование в любви, – эти качества ведут к скороспелым и необдуманным поступкам (правда, не к самоубийству – «Горе от ума» это все-таки комедия).

У более поздних репрезентантов лишних людей – Евгения Онегина, героя одноименного романа А. С. Пушкина (1823–1831), и Григория Печорина, персонажа «Героя нашего времени» М. Ю. Лермонтова (1839–1840), вертеровские черты – разочарованность, презрение к общественным установкам,

отчужденность, несчастливая любовь – сочетаются с чертами другого типа романтического героя, так называемого «байронического» персонажа, такими, как высокомерие, доходящее до цинизма, избалованность, гипертрофированное самомнение и эгоизм.

В творчестве М. Ю. Лермонтова образ, наделенный похожими чертами, находим в романе «Герой нашего времени» (1838–1840). В его центральном персонаже Печорине отразилось развитие общественного и личного самосознания – черта, характерная для передовых людей тридцатых годов XIX века. Поэтому впервые в русской литературе герой сам пытается понять причины своего несчастья, своё отличие от других. Он одарён разнообразными способностями, обладает ярким личностными качествами, но у него не получается применить их в жизни. Печорин в молодости много развлекался, у него были связи с женщинами, но очень скоро всё ему наскучило. Он начал понимать, что светское общество убивает в человеке душу и сердце. Главный герой в дневнике много рассуждает о своей жизни, ищет её смысл, находит оправдание многим своим поступкам. Он боится настоящих чувств, ответственности, поэтому не умеет любить. Печорин по натуре – эгоист, он думает только о себе, этим приносит зло и несчастье другим. Главный герой утверждает, что его таким сделало общество, так как когда-то его обманывали, оскорбляли, не верили ему. Финалом истории героя, из которого мы узнаем, что герой умирает где-то по дороге из Персии, автор хочет нам показать, что в мире противоречий нет места человеку, стремящемуся к гармонии. Создавая образ Печорина, Лермонтов помогает читателю понять трагизм его судьбы, которая определяется влиянием воспитания, горького опыта прошлого и таких качеств характера, как безразличие к людям и эгоизм.

Многие черты лишнего человека заметны в образе Владимира Бельтова – героя повести А. И. Герцена «Кто виноват?», написанной в 1847 году. Бельтов получил прекрасное образование и воспитание, но смотрел на мир слишком оптимистично. Этот герой находил разные занятия, но ничто его не удовлетворяло, так как он слишком много размышлял и во всём сомневался. Черта, которая не позволяет ему действовать, – это трусость перед жизнью, поэтому он не умеет принимать решение. Трусость ведёт к гибели человека как личности, она блокирует его действия, что и произошло с Бельтовым, который так и не нашёл своё место в жизни, потерял свою любовь. Все названные здесь качества характерны и для «лишнего человека».

Завершением галереи «лишних людей» можно считать главного героя романа Ивана Гончарова «Обломов», законченного в 1859 году. Илья Ильич совсем устраняется от общества и от борьбы за свою

любовь и за лучшее будущее. Обломов обладает многими достоинствами: он имеет прекрасную душу, верен патриархальному укладу жизни дворянского сословия, любит своих родителей, хранит о них память, он никому не причиняет зла, сохраняет национальные традиции и культуру. Однако он не стремится ничего изменить, просто отказываясь от реальной жизни и часто уходя в сон. Обломов заражён неумением найти себе дело в современном мире, свои мечты и планы он не способен воплощать в жизнь и бороться за них. Этот герой отличается от предыдущих религиозностью (он встаёт и ложится спать с молитвой и часто говорит о Боге) и умением любить, однако и ему не хватает смелости и решительности бороться за свою любовь, а это уже черта «лишнего человека».

Подводя итоги, укажем на основные признаки рассматриваемого нами литературного типа. Так, лишнего человека характеризует общественная пассивность и неверие в возможность что-либо изменить, обусловленные внешними обстоятельствами. Он часто конфликтует с обществом и его жизненным укладом, нередко несчастен, что является следствием внутреннего разрыва между двумя видами социальной связи, то есть связью психологической и связью, обусловленной внешними причинами. У лишнего человека всегда есть идеал или мечта, что приводит к конфликту мира идеального с реальным и становится причиной его несчастья.

Такой герой очень сосредоточен на себе, что на уровне текста выражается путём введения в произведение его дневника, монолога, исповеди или письма. Он много размышляет и рассуждает, что свидетельствует о его интеллекте, но эти раздумья не ведут к действию. «Лишние люди» не умеют найти себе друзей и с ними общаться, так как их никто не понимает, и они сами изолируются от общества. Они очень редко создают семьи, хотя часто нравятся женщинам. Их постоянно сопровождают тоска и грусть, которую не могут облегчить ни путешествия, ни одиночество. Осознание того, что прошлое невозможно вернуть, проявляется разными способами: через недостаток традиций, отсутствие контакта с действительностью, отсутствие отношений. Представленные в нашем обзоре герои не смогли найти своего места в жизни и в основном оказались неспособны наладить отношения с женщинами [4].

В то же время польская литература оставалась ближе к вертеровскому первоисточнику, подчеркивая роль роковой любви в судьбе персонажа. Несмотря на трудные и беспокойные времена (разделы Речи Посполитой, эпоха наполеоновских войн), в начале XIX века польские авторы начали писать романы, подражающие

«Страдания юного Вертера», примером могут послужить сентиментальные романы «Julia i Adolf, czyli nadzwyczajna miłość dwojga kochanków nad brzegami Dniestru» Людвика Кропинского (1810) и «Nierozsądne śluby. Listy dwojga kochanków, na brzegach Wisły mieszkających» Феликса Бернатовича (1820). В 1822 г. роман Гете был переведен на польский язык поэтом Казимежем Бродзинским.

Самым известным вертеровским персонажем в польской литературе является, вне всякого сомнения, Густав из IV части «Дядюв» Адама Мицкевича (польск. „Dziady”, 1821–1822). Сюжет этой романтической пьесы довольно прост – в дом недавно овдовевшего греко-католического священника приходит Отшельник, его давний ученик по имени Густав. Густав рассказывает учителю историю своей жизни и несчастной любви к идеализированной им женщине, которая, однако, вышла замуж за другого. Густав на глазах священника пронзает себе грудь кинжалом, а когда он не падает, священник уже понимает, что его гость – не живой человек, а привидение. Густав обладает многими чертами вертеровского персонажа – он излишне экзальтирован, ему присущ крайний индивидуализм и бунт против общественных установок, в том общепринятой морали и даже самого института брака. Не без значения и факт, что Мицкевич сам намекает, что огромное влияние на становление личности Густава оказали зловередные и безнравственные «воровские книги» (польск. „książki zbójckie”), среди которых главной были, конечно же, «Страдания юного Вертера» Гете. Тем не менее, в следующей части «Дядюв» Густав проходит ментальную эволюцию – он меняет имя на Конрад, и из «вертеровского героя» он становится патриотическим революционером-мстителем, ставшим на борьбу за национальную независимость Польши [17, 259].

Похожую эволюцию проходит и лавный герой пьесы «Кордиан» (польск. „Kordian”, 1834) другого польского поэта-романтика, Юлиуша Словацкого. Читателю Кордиан сперва показан как впечатлительный юноша, разочарованный жизнью и людьми (и это в 15 лет!), который пытается покончить с жизнью из-за несчастной любви. В дальнейших частях герой, который все-таки выжил, тоже, как Густав у Мицкевича, становится заговорщиком и участвует в патриотическом заговоре, имеющим целью политическое убийство императора Николая I и освобождение Польши.

Как видим, в польской литературе даже тип лишнего человека обретает политическую окраску, прежний безвольный «Вертер» оказывается в состоянии преобразиться в героя-мстителя, борца за национальную свободу и возрождение родины. Этот мотив,

по понятным причинам, в русской литературе отсутствует, но в дальнейшем русский лишний человек все чаще будет становиться революционером-анархистом (хотя и выступающим во имя социальной справедливости, а не национальной независимости). Не исключено, что это, в свою очередь, можно приписать влиянию польской словесности.

В наступившей после романтизма эпохе реализма (в польском литературоведении называемого «позитивизмом»), эпохе, связанной с верой в прогресс, торжество разума и мирные общественные преобразования, сложившийся типаж получает в обеих литературах дальнейшее развитие. В русской литературе к данному типу можно, вне всякого сомнения, отнести таких персонажей как Владимир Бельтов («Что делать?» А. И. Герцена) и Дмитрий Рудин («Рудин» И. С. Тургенева). Но если Бельтов и Рудин, в отличие от Онегина и Печорина, симпатичны читателю, хотя и слабы характером, прекрасно образованны и благородны, видят мир сквозь идеалы, но неспособны воплотить эти идеалы в жизнь, а поэтому не находят себе достойного применения, то следующий за ними тургеневский герой – Евгений Базаров («Отцы и дети», 1862) – представляет собой сильно модифицированный тип лишнего человека. Он уже не дворянин, а разночинец, и в отличие от более ранних персонажей данного типа, активно борется за свою идею прогресса. Дело в том, что сама идея (отрицание принятых в обществе авторитетов и ценностей) ошибочна и губительна, также и для него самого. Не случайно Базаров считается первым примером героя-нигилиста, а потом и революционера, в русской литературе.

Этот революционер сам не знает, за что борется, но его цель в том, чтобы полностью уничтожить существующий порядок, он направлен не на созидание, а на разрушение, так как «лишний человек» органически не способен создать что-либо ценное. Эту «нигилистическую» тенденцию продолжит сперва Ф. М. Достоевский в знаменитом романе «Преступление и наказание» (1866), где «лишний» студент Родион Раскольников хочет завоевать себе место под солнцем, убивая процентщицу; и в «Бесах» (1872), в котором выводит на сцену демонического и крайне избалованного Николая Ставрогина, а позже и Андрей Белый, создавший в «Петербурге» (1913) образ Николая Аблоухова, от скуки примкнувшего к революционерам.

Трагически выглядит образ женщины лишнего человека, Тамары Бендавид из дилогии В. В. Крестовского «Тьма египетская» (1888–1889). Девушка из богатого еврейского семейства, ради любви отказавшаяся и от родных, и от веры предков, после того, как избранник её бросил, становится сельской учительницей и старается (безуспешно) просвещать крестьян.

Карикатурным примером лишнего человека является упомянутый уже Илья Ильич Обломов, герой одноименного романа И. А. Гончарова (1859). Этот хорошо образованный и по-своему очень умный человек тоже не находит себе места в жизни, но вместо того, чтобы стреляться или предпринимать другие драматические решения, мирно лежит на диване в своей квартире и отдается праздным мечтаниям.

Карикатурой на лишнего человека являются также, в некотором смысле, Мечтатель из повести Ф. М. Достоевского «Белые ночи» и Райский из романа И. А. Гончарова «Обрыв» (1869). В польской литературе данного периода можем найти несколько типажей, похожих на «лишнего человека». Это, во-первых, идеалисты-неудачники (как Тамара Бендавид), появившиеся в творчестве Стефана Жеромского – учительница Станислава Бозовская и доктор Петр Обарецкий из рассказа «Силачка» (польск. „Siłaczka”, 1895). Она – варшавская барышня, которая из-за идейных побуждений уехала в деревню учить сельских детей и там, непонятая «темными крестьянами», скончалась от тифа, он – врач, поселившийся в провинции тоже по идеалистическим побуждениям (хотел лечить «убогих крестьян»), но со временем разочаровавшийся в давних идеалах и вспомнивший о них только, когда его позвали к умирающей Станиславе. Такая же пара лишних людей – учительница Иоанна Подборская и врач Томаш Юдим – появляется в романе Жеромского «Бездомные люди» (польск. „Ludzie bezdomni”, 1900). Юдим отказывается от любви Подборской, считая, что она помешает его жизненной миссии, в которую, кстати, он не очень-то верит (тоже очень типичная черта), – лечить бедных людей.

Также и главного героя романа Болеслава Пруса «Кукла» (польск. „Lalka”, 1887) – Станислава Вокульского – в некотором смысле можно назвать «лишним человеком», а исследователи творчества писателя пытались применять эту категорию также по отношению ко второстепенным персонажам книги [3], [15]. Вокульский напоминает тургеневского нигилиста Базарова (по одной из редакций, кстати, Вокульский – тоже нигилист). Это очень противоречивая личность. Герой всегда мечтал учиться, но на учебу нужны деньги, поэтому ему приходилось работать официантом на посылках у Гопфера. Вырвался, но снова попал не в тот круг, так что учиться пришлось в ссылке в Сибири.

Вернувшись в Варшаву, Стах Вокульский расширяет оставшийся ему в наследство галантерейный магазин, основывает торговое сообщество и продолжает богатеть не по дням, а по часам. Он приобретает «свидетельство о дворянском происхождении»

и пытается с его помощью (и, конечно же, с помощью денег) затесаться в аристократическое общество. Могло бы показаться, что Станислав – обыкновенный тщеславный выскочка, пытающийся купить себе место в высшем обществе, не обладая для этого никакими нематериальными ценностями «настоящего аристократа». На самом же деле Вокульский, обучавшийся естественным наукам в университете, на порядок образованнее и учёнее всех тех, в чьи ряды он намерен вступить. Разбогатев, он не превратился в помещенного на деньгах купца (да и какой из него купец, в самом деле), на прибыли ему было наплевать, да и деньги в его случае явились не самоцелью, а лишь средством, первой ступенью на пути к исполнению самого сокровенного желания. Обладая недюжинным интеллектом и сильным волевым характером, в основе которого – порядочность, честность, любовь к труду и чувство собственного достоинства, Вокульский выделяется из общества аристократов, как роза среди чахлых одуванчиков; более того, он со всей ясностью осознаёт своё превосходство и осуждает праздность аристократического образа жизни, а заодно и своё стремление к нему приобщиться.

Прус подмечает, что Стах даже в этой ситуации остался честен перед собой и перед женой. Он и ходил с ней в костел, в театры, развлекал её гостей, был примерным супругом и никогда не изменял жене. Того же – честности, верности – он всегда ждал и от окружающих, но, как оказалось, мир устроен не так идеалистично, как в поэмах Мицкевича. Чувства сподвигли его на риск, породив желание достичь богатства. Так герой хотел показать себя в глазах возлюбленной победителем. Он живёт по своей теории, помогает всем, кто нуждается в помощи, даже тогда, когда они сами не просят его об этом. Он человек широкой души. У него не было опыта в любви, может, поэтому он и оказался во власти чар молодой пустооголовой красотки Изабеллы Ленцкой. Общество его и принимает, и ругает. Сам пан Вокульский не может определиться, чего же он хочет на самом деле. Его погружение в любовь не даёт ему «выплыть» в реальную жизнь. Он, правда, вполне успешный предприниматель и благодаря практическому уму развивает собственный бизнес, собственным трудом добываясь большого капитала (а практические способности и умение зарабатывать деньги не характерны для «лишних людей»), но, кроме этого, Вокульский обладает почти всеми другими чертами рассматриваемого нами типажа. Персонаж постоянно чувствует свою отчужденность в обществе. Он вращается и в буржуазных, и в аристократических кругах, но знает и понимает, что аристократы и купцы принимают его в своем обществе исключительно из-за его денег, а на самом деле презирают как «выскочку». Главное же несчастье героя связано с несчастной

любовью к пани Ленцкой. Горькая правда о его возлюбленной заставляет Вокульского принять драматическое решение и покончить жизнь самоубийством. Читатель до конца не знает, что произошло с героем – погиб ли он под обвалами или всё же уехал в кругосветное путешествие.

Некоторые черты лишнего человека можно найти и у Рамзеса XIII из исторического романа Пруса «Фараон» (польск. „Faraon”, 1895) – безуспешного реформатора, который потерпел поражение в противоборстве с группой египетских жрецов. Автор раскрывает проблемы, актуальные для Польши в то время (да и не только для Польши, и не только в указанный период), но скрытые за историческим фоном захватывающих событий, переносащих нас в мир одной из древнейших человеческих цивилизаций. Протагонист, недавно вступивший на престол монарх Рамзес XIII, как и всякий молодой человек, в своем юношеском максимализме стремится изменить мир, стремится сделать его лучше для окружающих, но наталкивается на сопротивление со стороны этих самых окружающих [16, 328].

Идеи его хороши, но жизнь оказывается сложнее, в ней много нюансов, и, казалось бы, простая и логичная мысль о том, как можно пополнить казну, в реальности мало реализуема, потому что каждый шаг влечёт за собой последствия, а о них Рамзес не всегда задумывается. При всём его военном опыте, полезных идеях житейской мудрости и политической хитрости ему не хватает, наследник во многом наивен, мыслит по принципу «черное-белое» и вместо того, чтобы формировать свою «группу поддержки», он с наскака бросается на устоявшиеся порядки. А политическая система – это большая сеть, в которой все сложно взаимосвязано, эти связи выстраиваются годами, и изменить эту структуру крайне трудно.

Автор описывает борьбу, которую развернул молодой фараон с жрецами. Так, молодой фараон, только успев почувствовать силу и прелесть власти, понимает, что хотя влияние фараона огромно, но в тех или иных вопросах ограничивается жрецами. И он решает подчинить их себе, вступая на путь открытого конфликта, молодой царевич очень горяч и вспыльчив. Жрецы в свою очередь, хотя и прикрываются интересами благополучия Египта и усилением веры среди народа, в то же время всеми силами стараются захватить как можно больше власти, оказывая влияние на политические, военные решения. И то, что попало в их сокровищницы, очень сложно вернуть обратно.

Помимо захватывающей борьбы за власть, есть тонкая любовная линия, которая осложняется межнациональной неприязнью разных народов.

Как в качественном историческом романе, в этом произведении присутствуют два пласта: с одной стороны, детальное, основанное

на редких источниках описание жизни и уклада древнего Египта, с другой стороны, явные аллюзии на современность, а также удачная попытка выявить и раскрыть временные проблемы, в т. ч. и проблему «лишнего человека».

В карикатурной форме, как антигерои, «лишние люди» были показаны в романе польской писательницы Элизы Ожешко «Над Неманом» (польск. „Nad Niemnem”, 1888). Истеричка Элиза Корчинская и её сын Зигмунт, художник-наркоман, который постоянно жалуется на то, что никто не понимает его искусство, вне всякого сомнения указаны автором как люди лишние, бесполезные и даже вредные, они противопоставляются молодым и активным героям, пытающимся переменить мир.

Можно сказать, что в эпохе, хронологически соотносящейся с периодом 40-х годов XIX века и до начала Первой мировой войны, эпохе, отличающейся отсутствием больших военных конфликтов, сравнительно спокойной в политическом плане, но ознаменованной большими общественными сдвигами, связанными, между прочим, с уничтожением крепостного права в России (и в Царстве Польском, являющемся практически частью Российской империи), общеевропейским развитием буржуазии и ослаблением роли аристократии и дворянства, эпохе, соотносящейся, больше, чем какие-то иные периоды, с верой в прогресс и торжество разума, лишний человек как в русской, так и в польской литературе – обычно ничего не умеющий делать дворянин, сброшенный с «парохода современности» (парафразируя слова Маяковского). В некоторых романах («Рудин», «Отцы и дети», «Преступление и наказание», «Бесы», «Кукла») они показаны как трагические персонажи, тогда как в других («Обломов», «Бесы», «Над Неманом») такие типы изображаются карикатурно и высмеиваются, как нежизнеспособные. Отдельно стоит тема лишнего человека как идеалиста, желающего нести в народ идею прогресса и просвещения, но этим самым народом совершенно непонятого и нецененного («Тьма египетская», «Силачка», «Бездомные люди»). В обозначенный период образы «лишнего человека» в русской и польской литературе на удивление схожи, что объясняется общим историческим опытом, жизнью в похожих социально-политических условиях, но только в русской литературе развитие получает образ лишнего человека как революционера-разрушителя. Этот образ, характерный для польской словесности периода романтизма (хотя и связанный не социальными, а с национально-патриотическими причинами), в польской литературе периода реализма практически полностью отсутствует.

В послевоенный период, т. е. период после Первой мировой войны (1920-е–1930-е годы) «лишний человек» – это тот, кто не поспел, или не хотел последовать за произошедшими политическими и общественными преобразованиями. Особенно хорошо это заметно в русской литературе, которая после катастрофы Октябрьской революции разделяется на два русла: советскую литературу (создающуюся внутри Советского Союза) и так называемую литературу русского зарубежья (создаваемую эмигрантами).

В первой из них, советской, «лишним человеком» считается тот, кто не принял революционные идеи и остался во внутренней оппозиции к происходящим в стране событиям. Это «бывший человек» (по выражению М. Горького), представитель отсталых и обреченных на гибель классов – дворянства и буржуазии. Представители новой, пролетарской литературы пишут о таких героях с презрением, как об отживших, вырожденных и морально деградирующих. Таков, вне всякого сомнения, отвратительный интеллигент Клим Самгин, герой одноименного романа М. Горького (1925–1936), таков Мечик, герой «Разгрома» (1926) А. А. Фадеева, таков, наконец, Лествицкий из «Тихого Дона» (1928–1940) М. А. Шолохова. Что касается писателей, оставшихся в СССР, но критично относящихся к новой действительности и не принимающих нового уклада жизни, то наиболее полно автобиографический образ «лишнего человека» был представлен М. А. Булгаковым, как в его ранних произведениях («Записки доктора», «Театральный роман», «Тайному другу»), так и в самом известном романе писателя «Мастер и Маргарита».

В литературе русского зарубежья «лишний человек» – это эмигрант из России, не принявший советскую власть, но и не сумевший приспособиться к чуждой ему европейской действительности. Примером такого персонажа может послужить хотя бы герой романа И. Д. Сургучева «Ротонда» (1927) [7], скитавшийся по Европе русский композитор, в прошлом – крупный музыкальный талант, но в настоящее время – халтурщик, вынужденный подрабатывать дирижером в оркестре карликов. Похожий типаж мы находим и в раннем романе В. В. Набокова «Дар» (1938).

После Первой мировой войны Польша оказалась в совершенно другой политической ситуации, чем Россия. Здесь не произошло революции, а страна по Версальскому договору получила долго ожидаемую государственную независимость, за которую в XIX веке боролись участники национальных восстаний. Обретение собственного государства, временные затруднения тоже привели к некоторому хаосу и нарушению обычного уклада жизни, миграциям и переездам, а это как

раз те обстоятельства, что способствовали появлению в литературе «лишних людей», не умевших найти себе место во внезапно изменившемся мире.

И действительно, в 1924 г. выходит роман С. Жеромского «Канун весны» (польск. „Przedwiośnie”), главный герой которого избалованный родителями «прожигатель жизни», Цезарий Барыка, после их гибели ищет себе места в мире. Поляк, воспитанный в Баку, он сперва участвует в революции на стороне большевиков, но потом разочаровавшись в их идеях, уезжает в Польшу и борется против давних соратников в Варшавской битве 1920 г. Новые друзья – польские аристократы – тоже не вызывают симпатии и доверия Барыки. Герой погружается в мир мимолетных романов, а протрезвление приходит к нему только тогда, когда одна из его «пассий» совершает самоубийство, отравившись фосфорными спичками. Вполне возможно, что он нашел бы своё место в жизни – в конце романа мы видим его в роли вожака на демонстрации рабочих.

Другим интересным романом, в котором была указана фигура «лишнего человека» – в этот раз женщины, является роман Марии Кунцевич «Иностранка» (польск. „Cudzoziemka”, 1936). Главная героиня, воспитанная в России польская пианистка, Роза Жабчинская, после переезда в Польшу чувствует отчужденность, даже по отношению к своему мужу и детям. Она – духовная «иностранка» и в своей родине, и в своём семействе.

К типу лишнего человека отнесем и протагониста дилогии «Знахарь» и «Профессор Вильчур» Тадеуша Доленги–Мостовича. Первая часть была экранизирована и стала известной и популярной благодаря переводам на восточнославянские языки в России и в Украине. Но для нашей темы представляет интерес именно вторая часть, ибо в ней проблема отчуждения героя от варшавского общества раскрыта лучше. С гениальным хирургом Рафалом Вильчуrom происходит трагедия, изменившая всю его жизнь. Уходят жена и дочь, в тот же день он оказывается на улице без денег и документов, теряет память. Ему приходится пережить несколько лет скитаний и горя. И всё-таки судьба поворачивается к нему лицом. Найдя приют в семье мельника, он спасает его больного сына и становится членом семьи. Молва о «знахаре» расходитя по всей округе. Слава о нём быстро распространяется, что приводит к появлению врага, местного медика, у которого новоявленный знахарь отбирал практику. А знахарь же занимается своим ремеслом не ради наживы, денег он не брал, а лечил народ, следуя своему призванию. Собственно, об этом и книга – о гениальном человеке, о самоотдаче, о широкой бескорыстной душе. А ещё о «прекрасных» законах, которые всегда позволяют осудить бедняка,

будут защищать бесталанных людей, следуя только букве. Впрочем, надо сказать, автор не сильно углублялся в социальные мотивы.

Первая часть заканчивается хеппи-эндом. Герою возвращается память, он находит дочь, переезжает из далеких белорусских кресов в Варшаву. Но в столице Второй Речи Посполитой талантливый хирург, человек редкой души, Рафал Вильчур становится объектом разнузданной травли, организованной его бывшим учеником, ближайшим коллегой профессором Добранецким. Вынужденный покинуть столицу Вильчур возвращается в глухую приграничную с СССР деревушку, где волей судьбы уже провёл несколько лет и где его знали как знахаря. Здесь развиваются дальнейшие события романа, в центре которого – жизнь профессора Вильчура, жизнь, полная любви к людям и самопожертвования. Профессор возвращается на мельницу, приютившую его во время бродяжничества, и основывает там народную больницу. Поведение Вильчура можно охарактеризовать скорее не как падение, проигрыш под гнетом обстоятельств (травля, сплетни, клевета), а как умение адаптироваться к новым условиям. Причем не имеет значения, что в данном случае эти самые обстоятельства возникли не внезапно, а проявлялись медленно, мучительно травя своей желчью главного героя, просто адаптироваться он смог, соответственно, в момент наивысшего пика такого воздействия.

Несмотря на талант, известность, величайшее трудолюбие герой оказывается неостребованным, «лишним человеком». Однако он покидает свет, но не мир. Он находит себя в реальном (а не мифологическом, по-народнически) служении людям. Более того, в конце романа упоминается, что к нему присылают на практику студентов. Это один из немногих романов о «лишнем человеке», переставшим быть таковым. И хотя в романе религиозная проблематика прямо не выражена, но многое всё же определяется христианским пониманием смысла жизни как борьбе добра со злом на стороне добра и с необходимостью прощения. Ведь прощение – это необходимый элемент нашей жизни, и герой не уподобился низости своего «соперника», а проявил себя Человеком. Человеком мудрым и добрым. Человеком невероятной широты души.

Можно сказать, что как в русской, так и в польской литературе межвоенного периода, «лишние люди» – те, кто не смог и не захотел приспособиться к изменившимся политическим условиям. В советской литературе это персонажи, не принявшие революцию и выброшенные этой революцией на «свалку истории», в литературе русского зарубежья – герои, которые по политическим причинам эмигрировали из Советской России, но в Европе так и не смогли найти свое место

и навсегда остались «чужаками». В польской литературе межвоенного двадцатилетия «лишние люди» – это персонажи-поляки, рожденные и воспитанные или действующие вне исторической территории Польши, а после возвращения на родину (где они никогда и не были) не смогли приспособиться к новым условиям и найти свое место.

После Второй мировой войны в русской литературе, несмотря на то, что в Советском Союзе произошли крупные политические потрясения, не появляется принципиально новый тип «лишнего человека». В произведениях продолжает описываться межвоенный тип человека, сталкивающегося с советской реальностью, подобное мы видим в таких романах, как «Доктор Живаго» Б. Л. Пастернака (1945–1955) и «Не хлебом единым» (1957) В. Д. Дудинцева.

В Польше, в отличие от СССР, после Второй мировой войны поменялся государственный строй. Насильственно, с помощью Красной Армии, был введен коммунизм, и вчерашнее независимое государство стало вдруг одним из сателлитов Советского Союза. Именно из-за всего этого после Второй мировой войны в польской литературе появляется тип персонажа, похожий на тот, который мы знаем из русской словесности межвоенного периода, – человек, не способный примириться с новой реальностью, желающий вернуть ушедшую в прошлое, довоенную Польшу. В этом смысле особо показателен главный герой романа Ежи Анджеевского «Пепел и алмаз» (польск. „Popiół i diament”, 1947), Мацек Хелмицкий. Хелмицкий – бывший солдат польской армии Краевой, на протяжении пяти лет боровшийся с немецкими оккупантами. После освобождения Польши Красной армией в 1945 году и введения в стране новых, просоветских властей, Мацек и некоторые из его товарищей становятся «проклятыми солдатами» (польск. „żołnierze wyklęci”), продолжавшими сражаться, но уже не с немцами, а с представителями нового польского правительства, которое они считали (и не без основания) ставленниками Москвы. От своего подпольного руководства герой получает приказ убить председателя обкома Польской коммунистической партии, Щуку. И хотя Хелмицкий убедился, что Щука на самом деле совсем неплохой человек, и хотя он отнюдь не испытывал к Щуке личной ненависти, кроме того, у него самого начался роман с барменшей Кристиной, он остался верен тому, что считал своим долгом, и все-таки выполнил приказ. Несмотря на то, что герою удалось успешно сбежать с места убийства, вскоре он совершенно нелепо погиб. Хелмицкий не остановился по приказу жандармского патруля и был застрелен одним из солдат. Он смог дотащиться всего лишь только до груды мусора, где и истек кровью. Именно так – на символической свалке

истории – и закончилась жизнь послевоенного польского «лишнего человека», не захотевшего смириться со сменой политического режима и продолжавшего смотреть в безвозвратное прошлое [14, 17–19].

Польская послевоенная литература дает нам образ еще одного «лишнего человека». Он тоже жертва войны, но в этот раз, хотя бы на первый взгляд более похожей на гончаровского Обломова. Герой пьесы «Картотека» (польск. „Kartoteka”, 1960) Тадеуша Ружевича все время действия проводит, лежа на своей кровати и предаваясь собственным мыслям. Отдельные сцены никак не связаны между собой, это обрывочные фрагменты воспоминаний героя. Травматические переживания войны сделали этого персонажа совершенно пассивным и абсолютно неспособным на какой-либо поступок, отобрали у него веру в Человека. Единственным, кто всё ещё вызывает у героя тёплые чувства, является его дядя, отождествляемый им с «золотым» довоенным временем. Персонаж Ружевича, как и Мацек Хелмицкий, тоже живёт прошлым и не смиряется с новой реальностью, хотя с ним не связано ярко выраженное политическое и национально-патриотическое содержания, он со своей бездейственностью и разочарованностью во многом вообрал в себя основные черты «лишнего человека».

Ещё раз отметим факт, что в послевоенной, полной ужасов действительности, ни в русской, ни в польской литературе не был создан новый тип «лишнего человека», а все время всего лишь продолжал свое развитие тот не смирившийся с новым строем и новой политической реальностью персонаж, который был разработан в русской словесности ещё в межвоенный период. Впрочем, для польской литературы, до сих пор близко не столкнувшейся с революцией, это новый тип героя.

После распада Советского Союза в 1991 г. и произошедших политических и общественных изменений в русской литературе появляется новый вариант «лишнего человека» – на сей раз это персонаж, чье детство и ранняя молодость пришлось на советское время, который оказался не в состоянии приспособиться к новой, в этот раз капиталистической реальности.

Одним из произведений, в которых автором рассматривается современный тип «лишнего человека» является реалистический роман Дмитрия Глуховского под нетипичным названием «Текст». Он продолжает данную тему, но переносит место действия в 2010-е годы. Произведение получилось резким, очень болезненным, но честным от начала и до конца. К сожалению, писатель как нельзя лучше отображает российскую реальность. Бесполезно от неё бежать.

Книга полна безысходности и холода. Она о жестоком мире и живых людях, до которых никому нет дела.

Итак, жизнь у протагониста Ильи Горюнова после окончания филфака университета только начиналась. Рядом любимая девушка, на горизонте интересная работа, дома любящая мать. Как отметить вхождение во взрослую жизнь? Конечно, отправиться из родной Лобни в Москву, на супермодную дискотеку. В разгар веселья происходит облава ФСКН (федеральной службы контроля по обороту за наркотиками), и её сотрудник обращает внимание на девушку героя. Илья бросается её защищать... и оказывается на долгие семь лет в Соликамске за хранение и распространения наркотиков. И вот после отбытия наказания он возвращается в родной город. Волею случая к нему попадает телефон Петра Хазина – человека, отправившего его в зону. Когда обидчик был убит, Илья забирает его айфон, в котором, как оказалось, заключена вся жизнь Петра, и вот наш герой уже примеряет на себя роль бывшего врага, отвечая на сообщения его матери и девушки.

Смартфон в «Тексте» – это такой магический артефакт из самого ада, который своим волшебным сиянием и таящимися в нём секретами превращает мягкотелого Илью в бесстрашного рискованного Петю. Высасывая из первого все соки, он в каком-то смысле продлевает жизнь второго, ведь все те, кто получает сообщения с петинго номера думать не думают о том, что их сын/друг/коллега/парень уже мёртв. Главного героя предельно жалко, несмотря на то, что он преступник. В финале герой не смог ни уехать из России, ни помочь девушке, которую любил. Он был застрелен оперативниками при попытке к бегству.

Главный герой вызывает противоречивые чувства – он и сильный, и слабый одновременно, он и герой, и неудачник. Илья выпал из жизни на семь лет, а ощущение, будто вернулся на другую планету, даже шутки и язык стали ему непонятны.

По сути, Илья – личность большая, надломленная. Перед тюрьмой его лишили самого дорогого. После тюрьмы... – лишили всего снова. И он сломался. И погрузился в пучину страдания. К сожалению, «Текст» – это отнюдь не история борьбы человека и мрака, как на секунду хотелось бы вообразить. Несчастный Илья погрузился во мрак не в тот момент, когда взял в руки Петин айфон и зажил жизнью хозяина этой вещи, а именно тогда, когда ударил мента ножом в горло. Уже тогда мрак поселился в его душе. Да, это история о беспросветном мраке, в котором автор видит наше унылое сегодня. Глуховский рисует картину, в которой добрые мало чем отличаются от злых. Автор создает мир, где есть только чёрный цвет и бесконечное количество его оттенков. Вопрос лишь в том, как сам автор существует в этом

проклятом тёмном царстве и как среди поражённых чумою существ видит своё светлое будущее?

Отнести этого героя к типу «лишнего человека» можно по нескольким параметрам: он представитель образованного, хотя и обнищавшего слоя, он не то, что не адаптируется к новой жизни (наоборот, ему удастся ловко прожить несколько дней в шкуре другого, используя его телефон), но он становится ненужным. Его образование не помогает найти работу, друзья и любимая бросили, клеймо уголовника не смыть, социальные связи порваны, полезные навыки отсутствуют. Илья, несмотря на свои усилия, так и остается на пассивной позиции. Он пребывает в некоем экзистенциальном вакууме; у него нет точки опоры, по большому счету нет и желания бороться. Но в отличие от лишних людей прежних эпох у него больше точек пересечения с тем миром, что его породил и погубил. Как пишет М. В. Струкова в своей рецензии на эту книгу, «по своему характеру Илья принадлежит ушедшей эпохе. Глуховский реанимировал Раскольникова, вложил в его уста сленговые выражения, поселил в современном городе» [10].

По-своему представлена данная тема и в творчестве Алексея Иванова. Главный герой его романа «Ненастье» (2015), шофер Герман Неволин, по прозвищу Немец, бывший «афганец», точно такой же, как и герой Глуховского. Фамилия у него, как это часто бывает у Иванова, «говорящая». Герман – невольник своего советского происхождения, воспитания и характера. Иванов в аннотации пишет, что роман о поиске причин, почему один человек может доверять другому, но нам кажется, что роман о том, что все эти причины все еще остаются актуальной и весьма болезненной реальностью. Это печально, и это настоящая трагедия. Без лишней шумихи и пафоса Алексей Иванов продолжает писать портрет современника – человека, воспитанного в период социализма, получившего хорошее советское образование, но во время глобального слома общества оставшегося один на один со своей совестью и вопросами.

Несомненно, в «Ненастье» присутствует глубокий подтекст: про стремление человека к пребыванию в некотором сообществе, в котором он будет чувствовать себя защищенным, про подлость и «правду жизни». Но главная мысль произведения теряется в стрельбе, военных воспоминаниях и бытовых скандалах. В романе весь этот антураж избыточен и как-то скучен, тема афганцев и перестроечных бандитов уже давно ушла в прошлое – непонятно, почему Иванов обратился именно к ней для иллюстрации очередной идеи. Не исключено, что ему хотелось охватить в своих книгах именно этот

исторический период в этом месте действия; но, скажем прямо, «Ненастье» не лучшее его произведение.

В современной литературе до сих пор мы не находим положительного героя, того, кто был бы, как завещал классик, «вечно живым примером, призывом гордым к свободе, свету». Иванов даёт нам такого пассионария в лице друга протагониста, бывшего командира Серёги Лихолетова, воина-афганца, для него вызов всему свету есть смысл жизни, все, даже любимая женщина, – всего лишь его солдаты, их обязанность – боготворить богатыря-спасителя, а его – защитить их любой ценой. Основная тема романа, на наш взгляд, и есть поиск положительного героя, того, кто может вывести из общего ненастья, ведь под символичным названием деревни «Ненастье», где спрятаны украденные миллионы, подразумевается знамение ненастья России.

Герои романа живут не то чтобы в ненастье (хотя физически они находятся именно в деревне «Ненастье»), они живут как будто бы во сне. Все до единого. От «девочки-ландыша» Танюши – любовницы двух главных действующих лиц – до бывалых мужиков «афганцев», знающих, как снимать мины-ловушки и штурмовать неприступные укрепления. Но при этом герои совершенно не понимают, что делать с этим не напрасным, не случайным даром – жизнью [8, 280].

Отметим, что в данном произведении начала третьего тысячелетия писатель возвращает русскую литературу к теме «лишнего человека», хотя персонажи автора наследует некоторые черты героев XIX столетия в их базовых проявлениях, но во второстепенных проявлениях они решительно отличаются от «лишних героев» классической литературы.

Рассмотрим базовые черты, объединяющие ивановских Серёгу и Германа с персонажами отечественной классики.

«Лишний человек» ищет смысл, цель жизни, но не находит её. Поэтому он растрчивает себя на жизненные мелочи, на развлечения, на страсти, но не чувствует удовлетворения от этого. Часто жизнь «лишнего человека» заканчивается трагически: он погибает или умирает во цвете лет. Все это описано в «Ненастье». Герман и Серёга так же, как и герои классики, сами не будучи «рыцарями без страха и упрека», стремятся к определённым социально-нравственным идеалам (афганское братство, взаимопомощь и так далее). Но их ценности не актуальны для окружения, в результате героев ждёт либо социальная, либо физическая смерть. Они не поняли динамики эпохи, в которой побеждают лица, лишённые какой-либо морали, а не мечтатели о социальной справедливости, порожденные советской «романтикой». Установки «лишнего человека» – требовательно ждать

от жизни чего-то неоправданного, чрезмерного, но часто неясного самому герою, не получив же «игрушку», отказаться от жизни вовсе. Увлечение смыслом, значением жизни без удовлетворения своего неразвитого «Я» невозможно в силу этой же самой неразвитости. Мотив смерти – это пик развития темы «лишнего человека», но сначала герою было достаточно просто картинно удалиться, неизвестно куда исчезнуть, разорвать все отношения и т. д.

Для XIX столетия у такого рода персонажей (представляющих тип «лишнего человека») было обязательно наличие образованности, в рассматриваемом романе мы встречаем лиц не только не очень просвещенных, но даже не сильно стремящихся к свету знания, этим героям чужды экзистенциальные поиски, но они так же, как и классические герои, не вписываются в социальный мейнстрим. Следующий аспект, на который хотелось бы обратить внимание, – лишние люди классики, как правило, соотносимы с дворянством, иначе (в сугубо социологизаторском аспекте) административной и культурной элитой империи. Здесь в отличие от известнейшего ивановского романа «Географ глобус пропил» мы наблюдаем не представителя деклассированной интеллигенции (которая стала своего рода «внебрачной дочерью» русской знати), а людей из народа, пролетариев, которые также, как и аристократы XIX века выпадают с корабля своей современности. У героев Алексея Иванова можно найти то, о чем писали Добролюбов и Чернышевский», – некоторую нерешительность, и пассивность, но обусловлены эти свойства не внутренними («интровертными») факторами: поисками и экзистенциальными раздумьями), а внешними социальными, тем «ступором», в который их поверг жестокий мир, но никак не оторванность от народной почвы; так что применить к ним упреки Ф. М. Достоевского не представляется возможным. Если герои классики – по преимуществу интроверты, то наши современники – экстраверты, поменялся модус, но не суть личности лишнего человека.

И последний аспект – религиозность, если для героев классики были типичны некоторые проявления православной культуры и христианского миропонимания, хотя они и не являлись носителями религиозного сознания, то в XXI веке мы наблюдаем почти полную религиозную индифферентность. Так, Герман ничего предосудительного не видит в принятии ислама и имплицитно сочувствует индийскому язычеству, то есть сфера духа здесь почти полностью выключена, зато в отличие от героев классики плоть господствует во многих аспектах жизнедеятельности этих персонажей.

Итак, общими чертами лишних людей становятся их социальная дезадаптация, верность некоторым меняющимся со временем аксиологическим моделям, личностная нереализованность, ранняя (относительно) и бессмысленная (реально) смерть. Но в отличие от классики в современности мы наблюдаем культурное и религиозное оскудение лишнего человека, что всё равно вызывает явное и глубокое сочувствие читателей.

В отличие от русской литературы современная польская словесность еще не выработала своего варианта «лишнего человека». Это может показаться странным, поскольку ситуация, сложившаяся в Польше в 90-е годы прошлого столетия и нулевые, десятые нового – коренные политические изменения, стремительный переход от плановой экономики к неограниченному и порой очень жестокому капитализму, развитие бандитизма – была по сути очень похожей на ту ситуацию, которую в то же время наблюдаем в России. Но отсутствие нового типа «лишнего человека» в современной польской литературе отчасти компенсируется его кинематографическим вариантом, который нашел воплощение в фильмах «День психа» (польск. „Dzień świra”) и «Киллер» (польск. „Killer”). Указанный там типаж представляет собой воспитанного в условиях социализма человека, который не может приспособиться к новой политической и экономической реальности и оказывается совершенно беспомощным в современном мире.

Итак, в чем различие между русским и польским вариантом «лишнего человека»? В обеих литературах этого персонажа отличает излишняя впечатлительность, повышенная эмоциональность и завышенные требования к жизни и окружающим, но все-таки просматриваются и некоторые национальные отличия. Проведенный нами сопоставительный анализ главных произведений русской и польской прозы XIX, XX, а частично и XXI века приводит нас к довольно интересным выводам. Во-первых, оба рассматриваемые нами варианта «лишнего человека» – русский и польский – появляются практически одновременно, в 20-е годы XIX века, и возникают абсолютно независимо друг от друга, хотя этимологически и восходят к главному герою романа Гете «Страдания юного Вертера». Здесь сразу намечаются между ними некоторые различия. Можно сказать, что в литературе раннего романтизма польский вариант вертеровского персонажа намного более похож на свой первоисточник, тогда как его русский «аналог» вобрал в себя некоторые черты и байронического персонажа – таинственность, откровенную жестокость, цинизм. Дальнейшее развитие данного типа в обеих

литературах представляет собой что-то в виде синусоиды: после временных точек схождения наступают моменты разбега. Польская романтическая литература выработала один тип «лишнего человека», неизвестный русской словесности, – трагического патриота-мстителя, борového за независимость Польши.

В литературе реализма как в русской, так и в польской, были созданы два похожих типа «лишнего человека»: деградирующий аристократ-бездельник и идеалист-неудачник, но уже в литературе межвоенного периода русский и польский вариант данного персонажа отличаются довольно сильно. По понятным историческим причинам польская словесность особо не нуждалась тогда в типе «бывшего человека», принципиально не принявшего революцию и оказавшегося ненужным, хотя именно этот герой получил развитие как в эмигрантской прозе, так и в советской литературе. В польской литературе мы встречаем в данный период своеобразный вариант лишнего человека, талантливого тонко чувствующего, но не приспособленного к условиям жизни во Второй Речи Посполитой (романы «Иностранка» Марии Кунцевич, «Профессор Вильчур» Тадеуша Доленги-Мостовича). Обычно это герой, не принимающий жизнь варшавского общества, его стереотипы и предрассудки, ищущий себя в стороне от польского мейнстрима.

Похожий литературный персонаж проявляется в Польше также и после Второй мировой войны, а его возникновение связано напрямую с произошедшими в стране глубокими политическими преобразованиями, приведшими наконец к полной зависимости государства от СССР.

Во русской литературе начала нового тысячелетия мы встречаем новое воплощение типа лишнего человека – это как деклассированный интеллигент, так и пролетарий, человек, который не смог адаптироваться в новом обществе, как следствие, вступает с ним в аксиологический конфликт, стремится найти «свое место под солнцем», найти банальное счастье (уже не думая о самореализации), но не находит этого и погибает.

Как уже говорилось выше, «лишний человек» – всегда порождение своей эпохи, своего рода показатель происходивших в обществе процессов, его появление и окончательный формирование образа во многих отношениях обуславливается политической и социальной ситуацией в стране. Именно поэтому данный персонаж почти одновременно возник как в русской, так и в польской словесности, то есть в литературах двух стран, всегда так тесно связанных друг с другом общим историческим опытом. В дальнейшем,

когда исторические пути России и Польши расходились, данный образ значительно варьировался, но после периодов отчуждения обычно опять происходило сближение.

Современная же польская литература, в отличие от русской, не выработала пока новых черт образа своего типа «лишнего человека», но вполне возможно, что данный тип литературного персонажа вскоре возродится и в польской словесности. Все это в значительной степени зависит от направления политических и общественных преобразований.

Литература

1. Белова, Н. М. Байронический герой и Печорин / Н. М. Белова. – Саратов: Наука, 2009. – 95 с.
2. Ильченко, Н. М. Байронический герой и особенности формирования образов «лишнего человека» и «русского скитальца» в отечественной литературе / Н. М. Ильченко // Вестник Мининского университета. – 2014. – №2 (6). – С. 4.
3. Левина, П. И. Образы лишнего человека в творчестве Болеслава Пруса / П. И. Левина // Славянский мир: общность и разнообразие. – 2018. – С. 246–249.
4. Манн, Ю. В. Лишний человек / Ю. В. Манн // Литературная энциклопедия терминов и понятий / ред. А. Н. Николюкин. – М.: Интелвак, 2001. – С. 485.
5. Никольский, Е. В. Еще раз о проблеме «лишнего человека» в русской классической литературе / Е. В. Никольский // ArtLogos. – 2017. – № 2 (2). – С. 7–23.
6. Никольский, Е. В. Образ «лишнего человека» в контексте проблематики романа Орхана Памука «Снег» / Е. В. Никольский // Studia Humanitatis. – 2016. – № 3. – С. 16.
7. Никольский, Е. В. Поэтика и жанровое своеобразие романа И. Сургучева «Ротонда» / Е. В. Никольский // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. – 2008. – №4 (16). – С. 76–83.
8. Никольский, Е. В. Проблема «лишнего человека» в романе Алексея Иванова «Ненастье» / Е. В. Никольский // Пушкинские чтения – 2016. Художественные стратегии классической и новой литературы: жанр, автор, текст материалы XXI международной научной конференции. – СПб.: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2016. – С. 272–282.
9. Никольский, Е. В., Лю И. Интерпретация «лишнего человека» в русской и китайской литературах: опыт сопоставительного анализа / Е. В. Никольский, И. Лю // Libri Magistri. – 2019. – № 2 (8). – С. 85–113.

10. Струкова, М. В. Рецензия на книгу «Текст» Дмитрия Глуховского [Электронный ресурс] / М.В. Струкова. –Режим доступа: <http://writervall.ru/gluhovskij-tekst/>.
11. Bieliński, R. Ediczka Eduarda Limonowa a kategoria «zbędnego człowieka» / R. Bieliński // *Acta Polono-Ruthenica*. – 2004. – № 9. – С. 147–155.
12. Chojnicka, K. Zbędniludzie // *Идеи в России = Idee w Rosji: Leksykon rosyjsko-polsko-angielski*, red. Andrzejde Lazari, t. 1, Łódź: „Ibidem”, 1999. – S. 232–234.
13. Januszkiewicz, M. W horyzoncie nowoczesności. Antybohater jako pojęcie antropologii literatury / M. Januszkiewicz // *Teksty Drugie: teoria literatury, krytyka, interpretacje*. – 2010. – №3. – С. 60–78.
14. Maciąg, W. Wstęp / W. Maciąg // J. Andrzejewski, Miazga. – Wrocław-Kraków: Zakład Narodowym. – Ossolińskich, 2002. – S. I–XIX.
15. Malik, J. Entuzjizm i zblazowanie. Julian Ochocki – człowiek czasu wyczerpania / J. Malik // *Świat «Lalki»: 15 studiów* / Red. J. Malik. – Lublin: Towarzystwo Naukowe Katolickiego Uniwersytetu Lubelskiego, 2005. – 345 s.
16. Szweykowski, Z. Twórczość Bolesława Prusa / Z. Szweykowski. – Warszawa: Polski Instytut Wydawniczy, 1972. – 476 s.
17. Witkowska, A., Przybylski, R. Romantyzm / A. Witkowska, R. Przybylski. – Warszawa, 1997. – 744 s.

References

1. Belova N. M. Bayronicheskiy geroy i Pechorin [Byronic hero and Pechorin]. Saratov: Nauka, 2009. – 95 p.
2. Bieliński, R. Ediczka Eduarda Limonowa a kategoria «zbędnego człowieka» [Eddie by Eduard Limonov and the category of superfluous man // *Acta Polono-Ruthenica*. – 2004. – №9. – Pp.147–155.
3. Witkowska, A., Przybylski, R. Romantyzm [Romanticism]. – Warszawa, 1997. – 744 p.
4. Il'chenko N. M. Bayronicheskiy geroyi osobennosti formirovaniya obrazov «lishnego cheloveka» i «russkogo skital'tsa» v otechestvennoy literature [The Byronic hero and features of the formation of images of the “Superfluous Man” and “Russian Wanderer” in Russian Literature] // *Vestnik Mininskogo universiteta* [Bulletin of the Minin University]. – 2014. – №2 (6). – Pp. 4.
5. Levina, P. I. Obrazylishego cheloveka v tvorchevstve Boleslava Prusa [Images of a superfluous man in the works of Boleslav Prus]

// Slavyanskiymir: obshchnost' iraznoobraziye [Slavic world: community and diversity]. – 2018. – Pp. 246–249.

6. Maciąg, W. Wstęp [Introduction] // J. Andrzejewski, Miazga [The Pulp]. – Wrocław-Kraków: Zakład Narodowyim. Ossolińskich, 2002. – Pp. I–XIX.

7. Malik, J. Entuzjajzmizblazowanie. Julian Ochocki – człowiekczasuwyczerpania [Enthusiasm and blasé. Julian Ochocki – a man of exhaustion time] // Świat «Lalki»: 15 studiów [World of „The Doll”] /Ed. J. Malik. – Lublin: Towarzystwo NaukoweKatolickiegoUniwersytetuLubelskiego, 2005. – 345 p.

8. Mann Yu. V. Lishniychelovek [Superfluous man] // Literaturnayaentsiklopediyaterminoviponyatiy [Literary Encyclopedia of Terms and Concepts]. – Ed. A. N. Nikol'yukin, – Moskva: Intelvak, 2001. – Pp. 485.

9. Nikol'skiy Ye. V. Yeshcheraz o probleme «lishnegocheloveka» v russkoyklassicheskoy literature [Once again about the problem of the “superfluous man” in Russian classical literature] // Art Logos. – 2017. – 2(2). – Pp. 7–23.

10. Nikol'skiy Ye. V., Lyu I. Interpretatsiya «lishnegocheloveka» v russkoy i kitayskoy literaturakh: opytstopostavitel'nogoanaliza [Interpretation of the “superfluous man” in Russian and Chinese literature: the experience of comparative analysis] // Libri Magistri. – 2019. – № 2(8). – Pp. 85–113.

11. Nikol'skiy Ye. V. Obraz «lishnegocheloveka» v konteksteproblematikiromanaOrkhanaPamuka «Sneg» [The image of the “extra man” in the context of the problems of Orhan Pamuk’s novel “Snow”] // StudiaHumanitatis. – 2016. – №3. – Pp. 16.

12. Nikol'skiy Ye. V. Poetika i zhanrovoye svoyeobraziye romana I. Surgucheva «Rotonda» [Nikolsky E.V. Poetics and genre originality of the novel “Rotunda” by I. Surguchev] // Vestnik Chelyabinskoy gosudrastvennoy akademi ikul'tury i iskusstv [Bulletin of the Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts]. –2008. – 4(16). – Pp. 76–83.

13. Nikol'skiy, E. V. Problema «lishnegocheloveka» v romane Alekseya Ivanova «Nenast'e» [The problem of the superfluous man in the Alexei Ivanov's novel "Nenast'e"]// Pushkinskie chteniya – 2016. Hudozhestvennyye strategii klassicheskoy i novoyl iteratury: zhanr, avtor, tekst materialy XXI mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii [Pushkin's Readings]. – Sankt–Peterburg: LGU im. A. S. Pushkina, 2016. – Pod obshchey redaktsiyey professora V. N. Skvortsova. Redaktsionnaya kollegiya: T. V. Mal'tseva (otv. red.), N. K. Danilova, S. A. Petrova. – Pp. 272–282.

14. Strukova, M. V. Retsenziya na knigu «Tekst» Dmitriya Glukhovskogo [Review of the book "Text" by Dmitry Glukhovsky]. – URL: <http://writervall.ru/gluhovskij-tekst/>
15. Szweykowski, Z. Twórczość Bolesława Prusa [Works of Bolesław Prus]. – Warszawa: Polski Instytut Wydawniczy, 1972. – 476 p.
16. Chojnicka, A. Zbędny człowiek [Superfluous Man] // Idee w Rosji: Leksykon rosyjsko-polsko-angielski [Ideas in Russia. The Russian-Polish-English Lexicon]. Ed. A. de Lazari, t. 1. – Warszawa: „Ibidem”, 1999. – Pp. 232–234.
17. Januszkiewicz, M. W horyzoncie nowoczesności. Antybohater jako pojęcie antropologii literatury [In the horizon of modernity. Antihero as a concept of literature anthropology] // Teksty Drugie: teoria literatury, krytyka, interpretacje [Second texts: theory of literature, criticism, interpretations]. – 2010. – №3. – Pp. 60–78.

"ZBĘDNY CZŁOWIEK" VS. "BOHATER WERTEROWSKI"
TYPE OF "SUPERFLUOUS MAN"
IN RUSSIAN AND POLISH LITERATURE

Evgeny V. Nikolsky

Doctor of Philology (Dr. hab.), Professor, doctor of theology,
master of religious studies, expert of the scientific and publishing
Council for the publication of the Full collection of the creation
by St. Theophanes, the Recluse,
Carpathian University named after Augustine Voloshin
(Uzhgorod, Ukraine)

Dorota Walczak

Master of History, master of Art History, master of Philology,
PhD student at the Faculty of History
University of Warsaw
(Warsaw, Poland)

Abstract

"Superfluous man" is one of the more common types of characters in Russian literature of the 19th, 20th, and 21st centuries. This is an inspired person, intelligent, educated and critically minded, but nonetheless not fitting into the mainstream of the political era in which she came to live and act and aware of her alienation from other people. An "superfluous man" rejects society, and society, in turn, rejects it. He is a good indicator of all social ills of the historical epoch. The typical representatives of "superfluous man" in Russian literature, researchers usually include the heroes of "Eugene

"Onegin" by Alexander Pushkin, the "Hero of Our Time" by Mikhail Lermontov, "Obломov" by Ivan Gorcharov, and others.

In Polish literature, which for historical reasons has always been closely related to the Russian one, there are many characters that are very similar to the type of "superfluous man", although the term "superfluous man" (in Polish: "zbędny człowiek") is used in Polish literary criticism only the heroes of Russian literature. In relation to the characters of Polish literature, the name "Werther-like hero" (in Polish: "bohater werterowski") is sometimes found, but more often they remain unnamed.

In this article a pioneering attempt is made of a comparative analysis of the image of the "superfluous man" in Russian and Polish literatures. The authors analyze all the major works of Russian and Polish literature, in which this motive is present and identify analogies between the way in which they depict the "superfluous man".

Keywords: superfluous man, Werther-like hero, Russian literature, Polish literature, alienation, mainstream, literature, estrangement, mainstream

Поступила в редакцию 27.07.2019